

УДК 005.334

КТО ИЗУЧАЕТ КРИЗИСЫ И РИСКИ? НАУЧНЫЕ РЕСУРСЫ МИРОВОЙ РИСК-АНАЛИТИКИ

В. К. ЩЕРБИН¹⁾

¹⁾Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси,
ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются ключевые рискогенные концепты в жизни современного общества (кризис, опасность, вызов, угроза, дисбаланс, диспропорция, ловушка, риск) и их концепт-переменные. Анализируются новые научные дисциплины и отдельные научные направления (кризисное обществоведение, кризисный менеджмент, кризисология, теория кризисов, синдиника, хоррорология, рискология, общая теория рисков, риск-менеджмент, социология риска, социологическая рискология, психология риска, эвентология, рискография), связанные с изучением ключевых рискогенных концептов и их концепт-переменных. Обосновывается вывод о необходимости формирования единой методологии рассмотрения кризисов и рисков, изучаемых представителями различных научных дисциплин и отдельных научных направлений.

Ключевые слова: кризис; опасность; вызов; угроза; дисбаланс; диспропорция; ловушка; риск.

WHO STUDIES CRISES AND RISKS? SCIENTIFIC RESOURCES OF THE WORLD RISK ANALYTICS

V. K. SHCHERBIN^a

^aThe Center of System Analysis and Strategic Research of the National Academy of Sciences of Belarus,
1 Akademicheskaya Street, Minsk 220072, Belarus

Key risk-generating concepts of the modern society (crisis, hazard, challenge, threat, imbalance, disparity, catch, risk) and their concept variables are considered in the article. The article analyses new scientific disciplines and various scientific trends (crisis social sciences, crisis management, crisisology, theory of crises, sindinika, horrorology, riskology, general risk

Образец цитирования:

Щербин В. К. Кто изучает кризисы и риски? Научные ресурсы мировой риск-аналитики // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2018. № 2. С. 35–47.

For citation:

Shcherbin V. K. Who studies crises and risks? Scientific resources of the world risk analytics. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2018. No. 2. P. 35–47 (in Russ.).

Автор:

Вячеслав Константинович Щербин – кандидат филологических наук; заведующий сектором исследований макроэкономических рисков.

Author:

Vyacheslav K. Shcherbin, PhD (philology); head of the sector of macroeconomic risks research.
slavalex@mail.ru

theory, risk management, sociology of risk, sociological riskology, psychology of risk, eventology, riskography), related to studying key risk-generating concepts and their concept variables. The conclusion is substantiated about the necessity of development of a single methodology of crises and risks analysis, carried out by representatives of various scientific disciplines and various scientific trends.

Key words: crisis; hazard; challenge; threat; imbalance; disparity; catch; risk.

По свидетельству российского публициста Н. Старикова, на данный момент наиболее популярным в разных странах мира является слово *кризис*: «Если бы сегодня на нашей планете проводился конкурс на самое популярное слово, то победитель был бы известен заранее. <...> Лидера знают все. Все о нем говорят, ему посвящены новости и выступления всех политиков, экономистов и просто известных людей. О нем с утра до вечера пишут, спорят, пытаются предугадать будущее. Его проклинают, на него молятся, его обвиняют во всех смертных грехах. Это страшное и одновременно притягательное слово выучили даже ученики младших классов, его слышали дошколята в детском саду. Это КРИЗИС...» [1, с. 3]. Причем, как считает британский экономист М. Вулф, «в интегрированной мировой экономике... невозможно оградить себя от событий, происходящих в ведущих экономиках. Кризисы будут повторяться. Странам необходимо научиться справляться с угрозами до кризиса и сохранять пространство для маневра после кризиса» [2, с. 14].

Однако как этого добиться в условиях, когда подавляющая часть населения наиболее развитых в экономическом отношении стран мира именно в силу своего материального благополучия абсолютно не чувствительна к симптомам и признакам приближающегося кризиса? Более того, западному капиталистическому миру присуща абсолютная уверенность в своей экономической непогрешимости и непотопляемости: «Эпохе процветания ничто не угрожает, по крайней мере – на этот раз. Системы финансового управления совершенны, нарастающие риски не опасны» [3, с. 145]. Ответ на поставленный выше отнюдь не риторический вопрос предлагают представители белорусской социологической науки: «Современные опасности довольно часто не воспринимаются человеческими органами чувств. Отсюда возрастающее значение приобретают знание и науки о рисках» [4, с. 109]. Во всяком случае, белорусские социологи первыми осознали тот факт, что «сегодня исследование конфликтов, кризисов, революций, которые приобретают статус глобальных, – передний край общественных наук» [5, с. 86].

Ради справедливости стоит сказать о том, что еще раньше попытку объяснить причины глобального финансового кризиса предпринял бывший руководитель Федеральной резервной системы (ФРС) США А. Гринспен, попытавшийся обвинить в разразившемся кризисе более мелкие, по сравнению с ФРС, частные финансовые структуры:

«Финансовые компании приняли риск того, что они не смогут предвидеть начало кризиса и вовремя выйти из игры. Однако, по их расчетам, эти риски должны были иметь ограниченный характер, и даже в случае кризиса безмерный спрос на экзотические финансовые продукты должен был падать достаточно медленно, чтобы почти полностью распродать портфели без убытка. Они ошибались. Они не учли, что рыночная ликвидность – это функция главным образом степени неприятия риска инвесторами, доминирующей инстинктивной склонности, которая рулит финансовыми рынками. <...> Когда на рынке возобладал страх, эта “ликвидность” испарилась буквально в одночасье – число покупателей сократилось, и предложение стало превышать спрос. На многих рынках на пике кризиса 2008 г. покупатели практически исчезли» [6, с. 74].

Однако мировую общественность не устроили приведенные выше объяснения всемирно известного финансиста относительно причин глобального финансового кризиса, также как и его заверения в том, что невозможно предвидеть все без исключения финансовые риски. Б. Эйхенгрин приводит яркий пример общественного несогласия с невозможностью предусмотреть все риски: «Королева Елизавета II во время своего визита в Лондонскую школу экономики в 2008 году задала собравшимся экспертам знаменитый вопрос, почему никто не смог рассмотреть надвигающийся кризис. Шесть месяцев спустя группа выдающихся экономистов отправила королеве письмо, в котором они просили прощения за “отсутствие коллективного воображения”» [7, с. 13–14].

По мнению российского юриста профессора Л. В. Голоскокова, само общество, чтобы противостоять кризисным явлениям, должно занять более активную позицию в процессе реализации своих экономических, научных, инновационных и прочих проектов: «В нашей модели предложен такой подход: человек вносит свои деньги на осуществление проекта, свои личные усилия и несет всю ответственность, не перекладывая ее ни на кого. Хочешь, чтобы твои деньги не украли? Следи за тем, что происходит, участвуй во всех делах, смотри, куда и на какие цели расходуются средства, адекватны ли контрольные механизмы, придумывай новые, повышай уровень своего образования, не сиди, сложа руки, но действуй, думай, занимай соответствующие позиции в проекте, расти в нем. Это твой проект, твое дело, твое будущее. Такая

позиция непривычна для нашего населения, она требует вовлеченности в дело и большого напряжения ума, но кто сказал, что с деньгами все должно быть просто? Мы безответственно передоверили свои накопления “великим экономистам” – любителям поискать за наш счет дно в экономике, а также борцам с коррупцией, обучающих нас патриотизму. Дно не нашли, патриотами не оказались, но денег нет. Нет у нас с вами, потому что все мы проявили пассивность и стали объектом манипуляций. Пора учиться управлять своими деньгами» [8, с. 27–28].

В связи с этим совсем не случайным является тот факт, что именно в результате реализации общественных инициатив, выдвинутых несколькими группами ученых, появился ряд новых научных дисциплин и отдельных направлений, представители которых изучают существующие кризисы и риски в целях уменьшения для общества их негативных последствий. Что явилось первотолчком в процессе создания новых научных дисциплин и отдельных научных направлений в сфере изучения кризисов и рисков?

Ключевые рискогенные концепты (кризис, опасность, вызов, угроза, дисбаланс, диспропорция, ловушка, риск) и их концепт-переменные. По мнению известного советского философа, академика АН СССР Б. М. Кедрова, процессу институционализации той или иной новой научной дисциплины значительно способствует выработка ею основного научного понятия (ключевого концепта): «Каждая из фундаментальных отраслей естествознания становилась подлинной наукой с того момента, когда она устанавливала свой объект исследования и соответственно этому вырабатывала свое основное научное понятие. <...> Это было великим открытием, поставившим физику на научную почву, когда в физику было введено понятие энергии в качестве ее основного понятия. <...> Понятие химического элемента подвело прочную основу под химию как науку. <...> Решающую роль в том, что геология стала наукой, сыграло понятие геологической формации в качестве основного понятия этой науки. Назовем биологию. Здесь основным является понятие биологического вида, которое легло в основу дарвинизма. <...> К. Маркс впервые поставил общественные науки на прочную основу, установив понятие общественно-экономической формации. <...> Вопрос об основном научном понятии по сути дела вопрос о том, можно ли признать данную науку вообще наукой или же превратить ее в нечто неопределенное и лишить ее важнейшей понятийной основы» [9, с. 492–493]. Идея Б. М. Кедрова об институционализирующей функции ключевых концептов в процессе формирования новейших научных дисциплин и отдельных научных направлений нашла практическое подтверждение и в процессе концептуализации

и категоризации понятийного пространства постсоветской рискогенной действительности.

В частности, проведенный нами контент-анализ нескольких сотен научных, общественно-политических и деловых текстов, посвященных проблемам описания постсоветской рискогенной действительности, позволил выявить около десятка ключевых рискогенных концептов (в их числе концепты *кризис*, *опасность*, *вызов*, *угроза*, *дисбаланс*, *диспропорция*, *ловушка*, *риск* и др.) и еще большее количество их концепт-переменных. При этом наиболее частотным оказался концепт **кризис**. Аргументом в пользу ключевого характера этого концепта, помимо частотности, выступает то, что в исследованных нами текстах, помимо его вербального обозначения, т. е. слова *кризис*, были выявлены также и его вербальные концепт-переменные, такие как *аграрный кризис*, *антропогенный кризис*, *банковский кризис*, *биржевой кризис*, *бюджетный кризис*, *глобальный кризис*, *денежно-кредитный кризис*, *духовный кризис*, *затяжной кризис*, *идеологический кризис*, *информационный кризис*, *ипотечный кризис*, *климатический кризис*, *кризис власти*, *кризис государственности*, *кризис идентичности*, *кризис инновационного развития экономики*, *кризис-катастрофа*, *кризис образования*, *кризис перехода*, *нравственный кризис*, *пиаровский кризис*, *планетарный кризис*, *политический кризис*, *потенциальный кризис*, *промышленный кризис*, *реальный кризис*, *системный кризис*, *социальный кризис*, *структурный кризис*, *торговый кризис*, *финансовый кризис*, *циклический кризис*, *экзистенциальный кризис*, *экологический кризис*, *экономический кризис* и др.

Для ключевого рискогенного концепта **вызов** также были выявлены многочисленные вербальные обозначения его концепт-переменных, такие как *абсолютно непознанные вызовы «Industry 4.0»*, *инновационные вызовы*, *миграционные вызовы*, *стратегические вызовы* и др. Еще более широкий спектр вербальных обозначений концепт-переменных был обнаружен для ключевого рискогенного концепта **угроза**: *угроза алкоголизации населения*, *угроза ядерной войны*, *внутренние и внешние угрозы*, *информационные угрозы*, *потенциальные угрозы* (например, сложность системы), *террористические угрозы*, *угроза возврата денег в бюджет*, *угрозы духовной целостности «русского мира»*, *угрозы кибератак*, *угрозы недобросовестности заемщиков и кредиторов*, *угрозы национальной продовольственной безопасности*, *угрозы экономической безопасности* и др. В обследованной литературе представлено значительное количество вербальных обозначений концепт-переменных ключевого рискогенного концепта **дисбаланс**: *глобальный дисбаланс рыночного капитализма*, *дисбаланс между киберпространством и государственными границами*, *дисбалансы в распределении ресурсов и экономической власти*, *дисбалансы мировой торговли*, *кадровый дисбаланс*,

отраслевой дисбаланс, профессиональный дисбаланс, социальный дисбаланс, структурный дисбаланс, финансовый дисбаланс и др. Однако наибольшее количество вербальных обозначений концепт-переменных было выявлено в отношении ключевого рискогенного концепта **риск** – всего более 700 названий (см. [10, с. 27]).

Классификация научных ресурсов мировой риск-аналитики. К настоящему времени сформировался ряд специальных научных дисциплин и отдельных направлений вокруг отдельных ключевых рискогенных концептов, таких как *кризис, опасность, вызов, угроза, дисбаланс, диспропорция, ловушка, риск* и др. В частности, к числу таких специальных научных дисциплин и отдельных научных направлений, для которых основополагающим является концепт *кризис*, сегодня можно отнести *кризисное обществоведение, кризисный менеджмент, кризисологию, теорию кризисов*, которые изучают различные типы и виды кризисов и пути их преодоления в разных странах мира.

Так, первая научная дисциплина, **кризисное обществоведение**, создана в России усилиями известного науковед С. Г. Кара-Мурзы, подготовившего двухтомный университетский курс лекций «Кризисное обществоведение». Эта новая научная дисциплина призвана решать задачу, с которой не справилось советское обществоведение – «предупреждать о тех опасностях, которые таятся в самом обществе людей, указывать, чего нельзя делать, чтобы не превратить массу людей в разрушительную силу» [11, с. 6]. Однако кризисное обществоведение, в отличие от советского, глубоко осознает кризисный, нездоровый характер современного постсоветского общества и страны в целом: «Кризис, в который втянулась Россия в конце XX века, называют *системным*. Это значит, что повреждены все системы страны. Более того, повреждены или «работают в нештатном режиме» все элементы и связи всех систем страны – она *больна*. Кризис – особый тип бытия, в этом его действительно можно уподобить болезни человека. Как и болезнь, его надо изучить, поставить диагноз, выбрать лекарства – и лечить. Лечить осторожно, стараясь не навредить, регулярно корректируя ход лечения. Как и в медицине, основное знание для лечения носит *научный* характер, хотя и «народные средства» надо использовать – осмотрительно. Как в общем знании о человеке выделяют медицинскую науку, так и в обществоведении надо выделять его особый раздел (или, точнее, «срез») – *кризисоведение* или, привычнее, *кризисное обществоведение*» [12, с. 5].

По мнению С. Г. Кара-Мурзы, методологически основаниями такого кризисного обществоведения должны выступать следующие императивы:

1) ориентация на достоверное научное знание: «Нам нужно достоверное знание, но мы поневоле смотрим на события через призму добра и зла, че-

рез фильтр тех ценностей, которым мы привержены. Знание, которое достигается при таком взгляде, сопряжено с нравственными ценностями. Оно не является объективным, это знание не научное. На нем основана нравственная позиция личности, оно необходимо, но не достаточно для рационального выбора. Для эффективного познания общественных процессов требуется достоверное знание – знание о «том, что есть», а не о «том, что должно быть». Разделить оба типа знания очень трудно, но научиться этому необходимо» [12, с. 7];

2) отказ от идеологических, партийных предпочтений и переход на язык однозначных понятий: «...в познании кризисного общества мало проку от идеологизированного обществоведения. Рассмотреть необычную реальность можно, только освободившись от фильтра партийных предпочтений и перейдя на язык однозначных понятий. Этот язык покажется грубым и примитивным, но сейчас он приведет к более верным выводам. Партийные установки и ценности надо прилагать на следующем этапе, при обсуждении альтернативных вариантов *разрешения* проблемы» [12, с. 12];

3) передача опыта и знаний между поколениями: «Мы будем также наращивать словарный запас языка «постсоветского модерна», который необходим для восстановления коммуникаций старшего поколения советских людей и молодежи для обсуждения нынешних социальных аномалий. Без передачи опыта и знаний между поколениями на скорое разрешение кризиса надеяться нельзя. На среднесрочную перспективу перед обществоведением стоит задача соединить «зародыши» адекватного знания о современном обществе России в *сеть*, соединяющую разнородные концепции и дискурсы. В конце концов, обществоведение должно изложить и оценить альтернативные проекты жизнеустройства России и возможности их реализации без срыва в катастрофу» [12, с. 15].

Еще одно научное направление, в рамках которого разрабатываются методы и технологии управления кризисами, приемы и формы рыночной борьбы, называется **кризисным менеджментом** [13, с. 315]. В справочной литературе данное направление нередко называется также «*антикризисное управление – Crisis management*». Большинство организаций не сможет обойтись без антикризисного управления, когда их выживанию или благополучию угрожает неожиданная проблема. Многие организации разработали планы действий на случай чрезвычайных обстоятельств, дающие им уверенность в том, что у них будет перечень конкретных мер, которые можно принимать в аналогичных, предсказуемых ситуациях. В большинстве случаев компании назначают человека, чаще всего из правления или высшего руководства, для принятия мер по ситуации. Этот человек получает полную поддержку со стороны правления,

и ему могут предоставить более широкую свободу действий в условиях кризиса. Иногда привлекают PR-компании, чтобы справиться с вопросами потенциального и реального кризиса. Первостепенное значение в антикризисном управлении имеет быстрое принятие решений, поскольку для продолжительного существования организация должна уметь незамедлительно принимать необходимые меры» [14, с. 16].

Кроме того, в российской справочной литературе представлено определение и такой комплексной научной дисциплины, как **кризисология**, в рамках которой кризисы изучаются с разных сторон: «Кризисология – нарождающаяся наука о кризисах. Объясняет причины кризисов и пути их преодоления. Возникшие в современной науке кризисные и антикризисные теории дают картину причин возникновения и путей преодоления кризисов» [15, с. 190].

Наконец, значительный вклад в процесс всестороннего описания ключевого рискогенного концепта *кризис* внесла **теория кризисов**, которой в «Экономической энциклопедии» под редакцией Л. И. Абалкина (1999) дается следующее определение: теория кризисов – «часть общенаучной парадигмы, объясняющая сущность, предпосылки, характер, последствия периодических кризисных фаз в динамике систем. Общая теория кризисов в динамике систем разработана А. А. Богдановым и изложена в его труде “Тектология”. Он понимает кризис как смену организационных форм комплекса (системы), перелом в ходе его развития; выделяет два типа кризисов – соединительные (образование новых связей) и разделительные (разрыв существующих связей). По Богданову, кризис есть нарушение равновесия и в то же время переход к новому равновесию. Современной разновидностью общей теории кризисов является теория катастроф. Теория экономических кризисов начала разрабатываться во второй половине 19 в. Опубликован ряд работ, связывающих кризисы с конъюнктурными колебаниями спроса, потреблением, природными циклами. Фундаментальная разработка циклических экономических кризисов и материальной основы их периодичности содержится в “Капитале” К. Маркса. Кризисные фазы долгосрочных экономических циклов исследовал Н. Д. Кондратьев. Исследованием теории и истории экономических кризисов занимались Й. Шумпетер, Е. Варга, И. Трахтенберг, Л. Мендельсон, С. Меньшиков и др. Глубокие кризисные потрясения конца 20 в. дали толчок новым подходам к теории кризисов, которые широко обсуждались на IV Междисциплинарной дискуссии “Прогнозирование кризисов в ритме циклической динамики” (март 1991 г.). Основные положения этих подходов: кризисы неизбежны в развитии любой системы, в т. ч. экономической. Они являются

непрерывной фазой жизненного цикла системы. Надежды на то, что удастся уничтожить кризисы или предотвратить их, утопичны; кризисы выполняют три функции в динамике систем – подрывают основы устаревших элементов, открывают дорогу для становления новых, сохраняют и обогащают наследственное ядро (генотип) системы; кризисы завершаются либо переходом системы в новое качественное состояние, либо ее распадом, заменой иной системой; кризисы проходят несколько этапов – латентный период (скрытое накопление предпосылок); обвал, депрессию (нижнее равновесие); оживление, завершающееся достижением докризисного состояния на новой основе; кризисы в смежных сферах взаимодействуют – либо резонируют, усугубляя падение, либо демпфируют, сглаживая падение, смягчая последствия; кризисы преодолеваются с помощью базисных инноваций; кризисы в ритме циклической динамики поддаются прогнозированию, общество может воздействовать на них, сокращая длительность и уменьшая потери» [16, с. 347–348].

В свою очередь, такие новейшие научные дисциплины, как синдиника и хоррорология, сформировались в процессе изучения ключевых рискогенных концептов *опасности*, *ужасы* и *ловушки* современной цивилизации. В частности, наиболее общий характер имеет **синдиника** – научная дисциплина, связанная с изучением различного рода опасностей. Она определяется в электронной энциклопедии «Википедия» как «наука, объединяющая группу областей знания (управление риском, техника безопасности, энергетическая безопасность, экономическая безопасность, промышленная безопасность и т. д.), предметом которых являются факторы риска (источники опасности, угрозы) и способы снижения уровня риска. Термин “синдиника” является неологизмом и предложен в 1987 г. французскими учеными в Сорбонне как обозначение обобщающей “науки об опасности”» [17]. В свою очередь, российские экономисты Д. А. Максимов и Ю. Д. Спиридонов определяют синдинику как науку о глобальных или катастрофических рисках [18, с. 30–33].

В настоящее время особое внимание специалистов, работающих в рамках синдиники, привлекают следующие виды опасностей:

1) *финансовые опасности*, например «опасности ослабленного регулирования» [7, с. 638] и «опасность привязки разношерстного набора стран к единой монетарной политике» [7, с. 642];

2) *экологические опасности* – изменения среды обитания, например в результате катастрофы на АЭС;

3) *техногенные опасности* – непредсказуемость техногенной среды, роботизация, «опасности современных технологий, угрожающих планетарной

цивилизации» [19, с. 74], распространение потенциально опасной научно-технической продукции;

4) *информационные опасности* – ложная информированность, наука как источник «опасного знания», неизвестное, неправильное использование информации, отставание в науке, перенасыщение информационного пространства недостоверной информацией, создающей мировоззренческий хаос;

5) *опасности модернизации* – «последствия, связанные с угрожающей мощью модернизации и порождаемой ею глобальной нестабильностью и неопределенностью» [4, с. 109];

6) *этические опасности* – «резкое снижение планки нормативных стандартов научной деятельности» [20, с. 139];

7) *опасности международного терроризма* – по мнению С. Веселовского, «наибольшая опасность сегодня исходит от религиозного/«священного» терроризма, который представлен организациями исламистского толка» [21, с. 244];

8) *социальные опасности* – «действия одних классов, наций, групп (демографические, профессионально-квалификационные, целевые, контактные), слоев, личностей, направленные на уничтожение других, лишение их жизненно важных условий и объектов, причинение ущерба, ведущего к физической и духовной деградации, разрушению личности, этноса, общества, государства» [22, с. 66].

Более узкую специализацию (на изучении ужасов и ловушек современной цивилизации) имеет такая научная дисциплина, как **хоррорология**, основанная российским философом М. Эпштейном. В монографии «Знак пробела. О будущем гуманитарных наук» он дает следующее определение: «...хоррорология (*horrorology*) – наука об ужасах цивилизации как системе ловушек и о человечестве как заложнике сотворенной им цивилизации. Термин “хоррорология”, конечно, ужасен, но не более, чем обозначаемый предмет, а значит, по-своему точен. <...> Хоррорология – наука о саморазрушительных механизмах цивилизации, которые делают ее уязвимой для всех видов терроризма, включая биологический и компьютерный. Хоррорология – теневая наука о цивилизации, это минус-история, минус-культурология, минус-политология. Все, что другие науки изучают как позитивные свойства и структурные признаки цивилизации, хоррорология изучает как растущую возможность ее самодеструкции, самовычитания» [23, с. 766]. В последние годы было опубликовано значительное количество научных работ, в которых описываются различные типы цивилизационных ловушек.

К примеру, российский философ Л. Е. Гринин описывает *модернизационные ловушки*, которые «возникают вследствие ускоренного развития общества и могут вести к революциям. Начиная с Но-

вого времени в основе революций в большинстве случаев лежат серьезные диспропорции в развитии общества, которые появились в результате ускоренной модернизации. Эти диспропорции усиливаются быстрым ростом населения, особенно резким увеличением доли горожан в его структуре» [24, с. 138]. Для наглядности Л. Е. Гринин описывает механизм, в результате которого «общество попадает в ловушки особого рода – модернизационные. Если мальтузианская ловушка связана с отставанием производительных сил от темпов роста населения и в целом недостаточным динамизмом изменений, то модернизационная ловушка, напротив, – с чрезмерно быстрыми изменениями, за которыми ряд важнейших отношений и институтов общества не поспевает. В России сложился особый тип модернизационной ловушки – мальтузианско-марксова ловушка» [24, с. 138].

Концептуальную ловушку в сфере высшего образования анализирует В. Н. Шимов: «Массовость ориентации на высшее образование налицо. И университеты опять попадают в концептуальную ловушку: как совместить в одном учебном процессе “штучное” производство будущей элиты и подготовку специалистов массовых профессий. Сделав акцент на массовости, мы снижаем социальный статус науки, ученого, фундаментального знания. Акцент же на элитарность образования не находит достаточной ресурсной и моральной поддержки на рынке труда, в деловых кругах и других слоях общества и государства» [25, с. 13–14].

В одной из статей С. В. Пошелюжный провел «анализ ситуации, сложившейся в ОПК (оборонно-промышленном комплексе), с позиции институциональной экономической теории. Текущее положение на рынке финансирования производства вооружений и военной техники имеет все признаки институциональной ловушки, то есть ситуации самоподдерживающейся неэффективности. Специфика отрасли в сочетании с исторически сложившейся структурой сектора и несовершенной законодательной базой создали ситуацию, в которой реформирование и развитие отрасли значительно затруднены. <...> Существующая система ценообразования в ОПК прямо стимулирует к повышению абсолютной прибыли через рост издержек (относительное измерение зафиксировано законодательно). <...> Руководство предприятий в таких условиях вынуждено максимально оттягивать любые мероприятия, снижающие издержки, от организационных до технологических, либо компенсировать экономию за счет других статей расходов» [26, с. 1557–1558, 1560].

В учебной литературе Беларуси описывается *ловушка нарастающего технологического отставания*: «Неэквивалентный внешнеэкономический обмен в большинстве случаев толкает национальную

экономику и ее ведущие отрасли в “ловушку нарастающего технологического отставания” (концепция “технологической пропасти”), что подрывает национальную безопасность страны» [27, с. 88]. Х. Вейсингер и Дж. Полив-Фрай подробно описали *ловушки психологического давления* (ловушку помощи, ловушку стимула, ловушку состязательности) [28, с. 95–111]. Авторы монографии «Новые технологии борьбы с российской государственностью» проанализировали *стратегические ловушки*, которые расставляются недругами России при помощи искусства сетевого управления (ловушки «открытой экономики», страновой недиверсифицированности внешней торговли, товарной недиверсифицированности внешней торговли, Стабилизационного фонда, «сервисного общества», борьбы с коррупцией, борьбы за экологию, войны, долларовую ловушку и др.) [29, с. 311–336].

Целый ряд новейших научных дисциплин и отдельных направлений, специализирующихся на изучении постсоветской рискогенной действительности (*рискология, общая теория рисков, риск-менеджмент, социология риска, социологическая рискология, психология риска, эвентология, рискография* и др.), имеют в качестве основополагающего понятия ключевой рискогенный концепт **риск**. Приведем имеющиеся в научной литературе определения указанных выше научных дисциплин и отдельных направлений, изучающих данный концепт:

- *рискология* – «наука о риске, исследующая сущность риска, его причины, формы проявления и роль в жизни людей» [30, с. 369];

- *общая теория рисков* «рассматривает общие универсальные правила сравнения, не привязанные к конкретным экономическим ситуациям. При этом апеллирует к некоторым естественным или кажущимся таковыми нормативным правилам (аксиомам), которые отражают те или иные аспекты “экономической интуиции”. Формально *общая теория рисков* занимается предпочтениями или правилами сравнения случайных величин либо распределениями вероятностей (в т. ч. будущего дохода)» [31, с. 35];

- *риск-менеджмент* – «система оценки риска, управления риском и финансовыми отношениями, возникающими в процессе функционирования бизнес-структур или предпринимателей» [32, с. 448];

- *социология риска* – «это область науки, в основном созданная для изучения явной и скрытой сторон процесса принятия решений и помогающая обеспечивать решение проблем в целом. Социология риска помогает улучшить процесс принятия решений в условиях неопределенности. <...> Огромный вклад в ее развитие внесли работы Никласа Лумана, показавшего, что риск сам по себе, скорее

всего, не существует в объективной реальности, а становится таковым только в связи с принятием решений (индивидом и/или обществом). Социологи, антропологи, политологи указывают на то, что оценка риска и готовности принять риск – это проблемы, прежде всего, социальные. Риск с этой точки зрения является не столько параметром социальной ситуации, сколько конституирующим эту ситуацию фактором. Поэтому принятие решений в условиях риска прямо связано с проблемами развития социологии риска. Но пока что социологический подход к анализу риска, иначе социология риска как мировая и/или отечественная научная дисциплина, находится на начальной стадии формирования» [33, с. 277–278];

- *социологическая рискология* «формировалась не как однородное направление, а как широкое научное движение, ориентированное на познание специфики современного общества, его системного строения и функционирования, пространственно-временной динамики. В этом движении можно выделить три проблемных узла: исследования природы риска в современном обществе в контексте оценки его социальных функций; особенности распределения риска в социальных сферах и в социальных группах; проблемы социокультурной интерпретации риска» [34, с. 12];

- относительно статуса *психологии риска* как отдельной научной дисциплины мнения представителей социальных и гуманитарных наук в настоящее время расходятся. К примеру, А. А. Идрисова убеждена в реальности существования такого направления психологической науки: «Психологическое направление исследования риска направлено на изучение факторов, определяющих восприятие и оценку риска» [35, с. 324]. С. В. Илькевич и В. С. Шлапак считают, что «реакция на стрессовые и кризисные ситуации является важной областью исследований психологической науки. Здесь она может предложить немало для понимания некоторых особенностей организационного поведения компаний в ходе развития кризиса и последующего антикризисного управления» [36, с. 59]. По мнению Т. А. Нестика, «психология может не только пролить свет на то, почему остаются не замеченными постепенно накапливающиеся изменения, ведущие к глобальной катастрофе, но и должна предложить социально-психологические технологии повышения коллективной рефлексивности в отношении источников глобальных рисков» [37, с. 34]. В то же время российский психолог С. Л. Мельников пишет: «К сожалению, психология риска в настоящее время не рассматривается как самостоятельная наука. Риск в психологии исследуется в рамках теории мотивации достижения, теории решений и концепции надситуативной активности. <...> В психологии этой проблемой зани-

мались А. П. Альгин, Г. Н. Солнцева, Т. В. Корнилова и др.» [38, с. 235];

- «в последние годы, в связи с появлением нового направления теории вероятностей – *эвентологии* (выделено нами. – В. Ш.) (от англ. *event* – событие: любое событие состоит из “события-восприятия” и “события-деятельности”), – возникло понятие эвентологического риска, которое можно рассматривать как первую серьезную попытку объединить в одном понятии и теоретический, и эффективный риск. Эвентология предоставляет возможность не только развить эффективные эвентологические модели различных аспектов человеческого восприятия риска, но и дать такое общее математическое определение “эвентологического риска”, которое, не вступая в противоречие с большинством существующих определений теоретического и эффективного рисков, поглощает их в качестве многочисленных частных вариантов» [33, с. 278];

- *рискография* «(наука о видах рисков и характере их проявления) позволяет “застолбить ситуацию”, очертить основные характеристики рисков в рамках их первичного анализа подобно тому, как это случилось при построении Карлом Линнеем известной классификационной системы, установившей общее структурное деление всего многообразия неживой и живой природы. <...> Согласно одним оценкам, рискография имеет в своих аналах не менее тысячи значимых рисков. По другим, их общее количество порядка шести тысяч» [39, с. 22–23].

Каждая из перечисленных научных дисциплин и отдельных научных направлений (кризисное обществоведение, кризисный менеджмент, кризисология, теория кризисов, синдиника, хоррология, рискология, общая теория рисков, риск-менеджмент, социология риска, социологическая рискология, психология риска, эвентология, рискография) вносит весомый и неповторимый вклад в изучение кризисов и рисков. Однако практический эффект от использования рассмотренных научных ресурсов мировой риск-аналитики был бы значительно больше, если бы они создавались с использованием единой методологии изучения рисков и кризисов и в рамках общегосударственного плана по созданию научного обеспечения для решения постоянно возникающих кризисных и рискованных проблем. К сожалению, попыток выработки единой методологии и создания такого общегосударственного плана со стороны органов госуправления пока не наблюдается. По свидетельству В. Г. Федотовой, единственной «реакцией власти на кризис в той или иной сфере была смена группы экспертов, но власть никогда не пошла бы на создание альтернативных экспертных групп. Не было конкурса обещаний, конкурса планов избежания рисков, никакого анализа

пределов, за которыми риск становится необратимым» [40, с. 81].

По мнению группы российских исследователей, «заблуждение нашего общества, прежде всего его политической элиты, состоявшее в том, что сложные проблемы общества могут быть решены на отдельных частных направлениях (экономическом, научно-техническом, политическом и т. п.), дорого стоили России. Социальное управление как интегратор всех направлений социального развития общества, “распоряжающийся” ими на основе своих внутренних законов, принципов и методов в рамках самостоятельного направления научного знания, не был тогда востребован и освоен. Управленческая наука оказалась “выключенной” из механизма регулирования общественных дел – это явилось одной из главных причин того *системного кризиса*, который остановил развитие российского общества, во многом перечеркнул достижения прошлых лет и обусловил состояние крайнего социального напряжения, в котором Россия находится сегодня. Практика управления погружена в абсурд “коротких программ”, нередко лишена целеполагания, прежде всего долгосрочного, цели нередко подменяются средствами, что не позволяет правильно использовать те богатые ресурсы развития, которыми располагает страна» [41, с. 7–8]. Между тем, «основная цель создания института государства человеческим сообществом – управление всем громадным комплексом общежития в его единстве, согласованно и повсеместно. Попытка в России в 1990–2012 гг. “освободить” государство от функций управления обществом показала, что, кроме всеобщей деградации и кризисной уязвимости, демографического спада и угроз существованию самой страны, ничего хорошего не получается» [42, с. 187].

В условиях самоотстранения государства от управления риск-аналитическими исследованиями, которые, как правило, имеют очень острый и проблемный характер, начинается когнитивный диссонанс между различными научными дисциплинами и отдельными научными направлениями, изучающими кризисы и риски. Указанный когнитивный диссонанс в конечном итоге приводит к вытеснению риск-аналитической проблематики за пределы академической, вузовской и отраслевой наук (единственным сектором отечественной науки, в рамках которого регулярно проводятся риск-аналитические исследования, становится корпоративная наука). Механизм такого вытеснения риск-аналитической проблематики за пределы академического, вузовского и отраслевого секторов отечественной науки хорошо описан российским социологом, директором Института системно-стратегического анализа А. Фурсовым: «Разбитая на зоны “научных племен”, наука как иерархиче-

ская структура, освященная определенными интерпретациями, теориями, способами видения, болезненно реагирует на то, что может поколебать “средства освящения”. В результате “нормальная наука” (Т. Кун) вытесняет все острое либо на свою периферию, либо вообще за свои пределы, объявляя ненаучным. <...> Сферы вытеснения – аналитически ориентированная журналистика, научно-популярная литература, эссеистика. Причем журналистика и т. п. здесь – форма, а аналитика, причем очень острая, – содержание. Агенты этой сферы – журналисты, писатели, выходцы из спецслужб, МВД, фрилансеры, наконец, те ученые, которые не могут реализовать себя в системе существующих парадигм по научно-профессиональным или идеологическим причинам» [43, с. 8–9, 11, 15].

На этом фоне совсем не преувеличением выглядит констатация российским эпистемологом социальной науки Ю. Л. Качановым того факта, что «отечественная социальная наука повторяет зады поверхностной журналистики, этой пассивной политики... и наши социологи почитают за честь опубликоваться в каком-нибудь еженедельнике “Доводы и вымыслы” или на сайте www.kremlin.org. <...> Не мысля себя в опыте истины, российская социология далека от того, чтобы на правах интеллектуальной силы участвовать в структурировании социальной действительности. Но справедливо и обратное: отечественная социальная наука не в силах быть одним из субъектов истории России, поскольку далека от истины. Что может сделать российскую социологию одной из сил, структурирующих социальную действительность? Рефлексивное мышление о “социологизации” политики. Но эта социологизация возможна лишь в том случае, если наука сможет предъявить “событие” истины, способное участвовать в изменении структурного равновесия социальной действительности, в сдвиге *status quo* в направлении социальной справедливости. Социология обретет историческое влияние, получит кредит общественного доверия, когда будет в состоянии сформулировать новые жизненно-практические “системы координат”, новые “экзистенциалы”, ориентирующие на добродетельные поступки.

Беда современной российской социологии в том, что она не мыслит себя, исходя из специфического научного опыта, а выполняет “социальный заказ” господствующих, пытаясь вызываясь отождествить силу и благо, представляя *status quo* как нечто благое, справедливое и естественное, не имеющее “разумных альтернатив”. <...> Эта социология маскирует фигуры господства, сложившиеся в России после 1991 года, и предаёт забвению стремление науки к истине, подменяя последнюю историей идей и/или публицистикой. Если же российские социологи желают соответствовать “своей идее”,

алчут создавать не санкционированные доминирующими “политически корректные” интерпретации положения дел, а быть причастными к “событию” истины, то для начала они должны усомниться в очевидности и непротиворечивости легитимных идентичностей. Такая научная и в то же самое время социально-критическая директива требует от российских социологов новой рефлексивности и новых научных практик. Потребна новая рациональность, решительно превосходящая обыденные предпосылки, но не отрывающаяся от повседневности в схоластические “возможные миры” непрактичного академического мышления, замкнутого исключительно на себя. Сегодня для российской социологии нет ничего более существенного, нежели отказаться от схоластической или политической ангажированности *status quo* ради захваченности научной истиной» [44, с. 183–184].

Определенные шаги в направлении выявления научной истины, в том числе и в процессе проведения риск-аналитических исследований, российской социальной наукой уже сделаны. В частности, проведенное российским специалистом в области социологии риска С. М. Мягковым сравнение данных по Японии и странам Запада показывает следующее:

1) «в западной цивилизации генетически заложены и исторически усилены черты, предопределяющие более высокую готовность к риску, чем в иных культурах. Особенно выделяется этим ее североамериканский вариант, созданный смелыми переселенцами» [45, с. 185];

2) «этносоциальные особенности восприятия и оценки риска могут влиять на величины ущерба сильнее, чем физические различия источников риска» [45, с. 187];

3) «поскольку специалисты по риску, как и все люди, не могут находиться вне той или иной социальной группы, желательно ясно понять, чьи именно интересы они представляют» [45, с. 188];

4) «в нынешней России наблюдается уникально сложное переплетение фактов риска и отношения к нему. Едва ли можно ожидать скорого консенсуса мнений и действий в сфере политики безопасности. Поэтому особенно важной представляется научно-методическая помощь всем правоохранительным и иным ведомствам, обеспечивающим общественную и общенациональную безопасность» [45, с. 188].

В связи с этим вполне обоснованными являются надежды специалистов по теории рисков на помощь социологов в решении профессиональных проблем: «...наличие сознательных элементов в социально-экономических системах является главной причиной того, что до сих пор не создано универсальных и эффективных моделей и методов в экономической науке. Для решения этой задачи

теории рисков придется брать на вооружение результаты новейших исследований из социологии и психологии, а также смежных с ними наук: бихевиоризма, социальной логики» [46, с. 15].

Завершая анализ научных ресурсов современной мировой риск-аналитики, целесообразно высказать следующее пожелание: в процессе исследования столь противоречивых и структурно сложных социально-экономических явлений, каковыми являются кризисы и риски, нельзя ограничиваться только реализацией общественных инициатив со стороны отдельных групп ученых. Экономические потери от регулярно повторяющихся кризисов и рисков событий являются столь значительными, что уже с начала XX в. для их изучения и разработки соответствующих антикризисных программ создаются специальные государственные и международные органы (комитеты, советы, группы) и иные организационные структуры (аналитические, «мозговые», ситуационные и стратегические центры, «фабрики мысли», центры публичной политики и др.): «Так, уже в 1912 г. во Франции, по инициативе правительства был учрежден Постоянный комитет для предвидения промышленных кризисов. Наступление Великой депрессии привело к созданию в 1929 г. в Великобритании Комитета по финансам и промышленности, в котором участвовал Дж. М. Кейнс, и его работа была нацелена на устранение имеющихся недостатков в денежно-кредитной системе страны. Не исключением стал и кризис 2008–2009 гг. Причем в обобщении допущенных просчетов и ошибок участвовали не только государственные институты, но и созданный в рамках ООН Совет по глобальной экономической координации. В подготовленном им докладе (“Доклад Стиглица”) была намечена система мер, призванная разрешать возникшие проблемы функционирования глобальной экономики» [47, с. 137–138].

В свою очередь, «крах фонда *LTCM* в 1998 г. и чрезвычайные меры, потребовавшиеся для предотвращения губительных последствий на глобальном уровне... привели к созданию в 1999 г. Группы по разработке политики управления риском контрагента (*CRMPG*). Эти меры стали эталоном в своей области. Тем не менее последние несколько лет регулирующие инстанции, включая ФРС США и Британскую финансовую службу, стали выражать озабоченность потенциальными риска-

ми, связанными с действиями хеджевых фондов на финансовых рынках и со сложностью управления производными ценными бумагами, все чаще используемыми в сделках. В июле 2005 г. в Нью-Йорке на второй встрече Группы (*CRMPG II*) под председательством Дж. Корригана из компании *Goldman Sachs*, бывшего президента Нью-Йоркского филиала ФРС США, был представлен доклад, содержащий 47 рекомендаций, направленных на усиление контроля за деятельностью фондов и эффективное решение проблем, возникающих в связи с использованием производных финансовых инструментов» [48, с. 190–191].

Стоит отметить, что если рассмотренные выше научные дисциплины и отдельные научные направления, связанные с изучением ключевых рискогенных концептов *кризис, опасность, вызов, угроза, дисбаланс, диспропорция, ловушка и риск*, специализируются в основном на рассмотрении того или иного рискогенного концепта и его концепт-переменных, то существующие в различных странах мира многочисленные организационные структуры (информационно-аналитические, «мозговые», ситуационные и стратегические центры; «фабрики мысли»; центры публичной политики и экспертные сообщества) группируются по трем десяткам видов выполняемой ими аналитики. Однако рассмотрению организационных ресурсов мировой риск-аналитики будет посвящена следующая наша статья.

Результаты проведенного исследования позволяют сделать следующие выводы:

1) научные ресурсы мировой риск-аналитики сегодня объединяют в своем составе почти полтора десятка научных дисциплин и отдельных научных направлений (в их числе кризисное обществоведение, кризисный менеджмент, кризисология, теория кризисов, синдика, хоррорология, рискология, общая теория рисков, риск-менеджмент, социология риска, социологическая рискология, психология риска, эвентология, рискография);

2) проблемы изучения кризисов и рисков будут решаться более оперативно, если представителям различных секторов науки (академического, вузовского, отраслевого, корпоративного и прочих) удастся выработать единую методологию такого изучения, основополагающим принципом которого должен стать поиск научной истины.

Библиографические ссылки

1. Стариков Н. Кризис: как это делается. СПб. : Питер, 2017.
2. Вулф М. Сдвиги и шоки: чему нас научил и еще должен научить финансовый кризис / пер. с англ. А. Гусева. М. : Изд-во ин-та Гайдара, 2016.
3. Башкатова А. Капитальная Матрица // Октябрь. 2011. № 12. С. 144–150.
4. Шавель С. А. Дерзание риска: философские и социологические аспекты инноваций // Философ. науки. 2016. № 7. С. 109–121.

5. Данилов А. Н. Социология революции (к 100-летию Октябрьской революции) : Республиканский круглый стол // Журнал Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 4. С. 77–86.
6. Гринспен А. Карта и территория: риск, человеческая природа и проблемы прогнозирования / пер. с англ. М. Бандерс. М. : Альпина Паблишер, 2015.
7. Эйхенгрин Б. Зеркальная галерея. Великая депрессия, Великая рецессия, усвоенные и неусвоенные уроки истории / пер. с англ. Е. Еловской. М. : Изд-во ин-та Гайдара, 2016.
8. Голоскоков Л. В. Сетевые структуры в рамках доктрины национальной консолидации: риски и экономические аспекты безопасности // Информац. об-во. 2017. № 2. С. 23–29.
9. Кедров Б. М. Классификация наук : в 3 кн. М. : Мысль, 1985. Кн. 3 : Прогноз К. Маркса о науке будущего.
10. Щербин В. К. Постановка предельных проблем в различных отраслях знаний как показатель растущей строгости жизненного мира личности и общества // Журн. Белорус. гос. ун-та. Социология. 2017. № 1. С. 19–35.
11. Кара-Мурза С. Г. Кризисное обществоведение. Курс лекций : в 2 ч. М. : Науч. эксперт, 2011. Ч. 1.
12. Кара-Мурза С. Г. Кризисное обществоведение. Курс лекций : в 2 ч. М. : Науч. эксперт, 2012. Ч. 2.
13. Шарков Ф. И. Коммуникология: энциклопедический словарь-справочник. М. : Дашков и К°, 2009.
14. Сазерленд Дж., Кэнуэлл Д. Стратегический менеджмент. Ключевые понятия : пер. с англ. / под ред. Е. Е. Козлова. Днепропетровск : Баланс Бизнес Букс, 2005.
15. Теория управления: социально-технологический подход. Энциклопедический словарь / сост. А. Г. Гандылев [и др.]; под ред. В. Н. Иванова, В. И. Патрушева. 3-е изд. М. : Муниципал. мир, 2004.
16. Экономическая энциклопедия / под ред. Л. И. Абалкина. М. : Экономика Москва, 1999.
17. Синданика [Электронный ресурс] // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B8%D0%BD%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B0> (дата обращения: 31.10.2017).
18. Максимов Д. А., Спиридонов Ю. Д. Синданика как наука о глобальных рисках // Транспорт. дело России. 2013. № 5. С. 30–33.
19. Бехман Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний / пер. А. Ю. Антоновского [и др.]. М. : Логос, 2010.
20. Мирская Е. З. Этнос науки: идеальные регулятивы и повседневные реалии // Этнос науки / отв. ред. Л. П. Киященко, Е. З. Мирская. М., 2008. С. 122–143.
21. Веселовский С. Смертельная угроза // Мир через 100 лет : сб. ст. на рус. и англ. яз. / редкол. И. С. Иванов, А. В. Кортунов. М., 2016. С. 242–248.
22. Тереня Г. В. Введение в аналитику. Минск : Бонем, 2015.
23. Эпштейн М. Знак пробела. О будущем гуманитарных наук. М. : Новое лит. обозрение, 2004.
24. Гринин Л. Е. Русская революция и ловушки модернизации // Полис. 2017. № 3. С. 138–155. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.10>.
25. Шимов В. Н. Университет в современном обществе: основные проблемы и направления развития в глобализирующемся обществе // Весн. Гродзен. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 5. Эканоміка. Сацыялогія. Біялогія. 2010. № 1. (97). С. 10–15.
26. Пошелюжный С. В. Институциональная ловушка ОПК // Рос. предпринимательство. 2017. Т. 18. № 10. С. 1557–1566. DOI: 10.18334/rp.18.10.37932.
27. Теория и практика экономики и управления инновациями / под ред. Л. Н. Нехорошевой. Минск : БГАТУ, 2013.
28. Вейсингер Х., Полив-Фрай Дж. Под давлением. Как добиваться результатов в условиях жестких дедлайнов и неопределенности / пер. с англ. М. Попова. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2017.
29. Якунин В. И., Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С. Новые технологии борьбы с российской государственностью : монография. М. : Науч. эксперт, 2009.
30. Яценко Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. СПб. : Лань, 1999.
31. Смагулова Р. И. Управление рисками. Павлодар : ПМУ, 2006.
32. Касьянов А. А. Словарь-справочник руководителя: основные управленческие понятия в государственной, социально-экономической и политической жизни. Ростов-на-Дону : Ростиздат, 2007.
33. Исмаилов А. А. Социология риска: принятие решений в условиях риска // Вестн. МГИМО-ун-та. 2010. № 4. С. 277–285.
34. Красиков С. А. Исследование рисков в западной социологии // Социолог. исслед. 2008. № 9. С. 12–19.
35. Идрисова А. А. Социально-экономическая концептуализация понятия «риск» // Вестн. Казан. технол. ун-та. Сер. Социология. 2013. С. 324–326.
36. Илькевич С. В., Шлапак В. С. Междисциплинарный подход к антикризисному управлению: последние тенденции в зарубежных исследованиях // Сервис plus. 2014. № 1. С. 51–65.
37. Нестик Т. А. Глобальные риски как психологический феномен // Пути к миру и безопасности. 2016. № 1 (50). С. 24–38.
38. Мельников С. Л. Особенности восприятия риска в социальной психологии // Актуальные проблемы охраны здоровья человека в экологически неблагоприятных условиях : сб. материалов X Междунар. науч.-практ. конф. (Брянск, 12–14 окт. 2016 г.). Брянск, 2016. С. 235–240.
39. Рязин Ю. И. Рискология : в 2 ч. М. : Юрайт : Изд-во Урал. ун-та, 2017. Ч. 1.
40. Федотова В. Г. «Хорошее общество», «хорошая наука», «хороший человек» // Вестн. Рос. гуманитар. науч. фонда. 2001. № 3. С. 75–87.
41. Иванов В. Н., Гладышев А. Г., Патрушев В. И. Предисловие // Теория управления: социально-технологический подход. Энциклопедический словарь / сост. А. Г. Гладышев [и др.]. 3-е изд. М., 2004. С. 7–14.
42. Положихина М. А. [Реф. кн.: Сулакшин С. С. Теория и феноменология успешности сложной социальной системы. М. : Научный эксперт, 2013] // Социал. гуманитар. науки. Отечеств. и зарубеж. лит-ра. Сер. 2. Экономика. 2014. № 2. С. 183–188.
43. Фурсов А. И. «Нормальная наука» versus аналитика. Особенности состояния современного знания о мире // Свобод. мысль. 2013. № 2. С. 8–24.

44. Качанов Ю. Л. Эпистемология социальной науки. СПб. : Алетея, 2007.
45. Мягков С. М. Проблема отношения общества к риску // Проблемы анализа риска. 2004. Т. 1, № 2. С. 179–188.
46. Карасева Е. И. Междисциплинарные исследования в теории экономических рисков // Актуал. проблемы экономики и управления. 2016. Вып. 1. С. 11–16.
47. Рязанов В. Т. (Не) Реальный капитализм. Политэкономия кризиса и его последствий для мировой экономики и России // Партнерство цивилизаций. 2016. № 1–2. С. 110–182.
48. Клири Ш., Малре Т. Глобальные риски. Деловой успех в неспокойные времена / пер. Л. Ивановой. М. : Вопр. экономики, 2011.

References

1. Starikov N. *Krizis: kak eto delaetsya* [Crisis: how it is making]. Saint Petersburg : Piter, 2017 (in Russ.).
2. Wolf M. *The Shifts and the Shocks: What We've Learned – and Still Have to Learn – from the Financial Crisis*. London : Penguin Books, 2015. Russ. ed.: Wolf M. Sdvigi i shoki: chemu nas nauchil i eshche dolzhen nauchit' finansovyi krizis. Moscow : Publ. house of Gaidar inst., 2016.
3. Bashkatova A. [The Capital Matrix]. *Oktiabr* [October]. 2011. No. 12. P. 144–150 (in Russ.).
4. Shavel S. A. [Daring of risk: Philosophical and Sociological Aspects of Innovations]. *Philos. nauki* [Philos. Sci.]. 2016. No. 7. P. 109–121 (in Russ.).
5. Danilov A. N. Sociology of revolution (toward 100th anniversary of October revolution) : Republican round table. *J. Belarussian State Univ. Sociol.* 2017. No. 4. P. 77–86 (in Russ.).
6. Greenspan A. *The Map and the Territory: Risk, Human Nature and the Future of Forecasting*. London : Penguin Books, 2013. Russ. ed.: Greenspan A. Karta i territoriya: risk, chelovecheskaya priroda i problemy prognozirovaniya. Moscow : Al'pina publ., 2015.
7. Eichengreen B. *Hall of mirrors: the great depression, the great recession, and the uses – and misuses – of history*. Oxford : Oxf. Univ. Press, 2016. Russ. ed.: Eichengreen B. Zerkal'naya galereya. Velikaya depressiya, velikaya retsessiya, usvoennye i neusvoennye uroki istorii. Moscow : Publ. house of Gaidar inst., 2016.
8. Goloskokov L. V. [The network structures in the framework of the national consolidation doctrine: risks and economic aspects of security]. *Inf. obshchestvo* [Inf. soc.]. 2017. No. 2. P. 23–29 (in Russ.).
9. Kedrov B. M. *Klassifikatsiya nauk* [The classification of sciences] : in 3 books. Moscow : Mysl', 1985. Book 3 : [Forecast of K. Marks about the Science of Future] (in Russ.).
10. Shcherbin V. K. Creation of marginal problems in various knowledge branches as an indicator of growing austerity of lifeworld of personality and society. *J. Belarus. State Univ. Sociol.* 2017. No. 1. P. 19–35 (in Russ.).
11. Kara-Murza S. G. *Krizisnoe obshchestvovedenie. Kurs lektsii* [Crisis social sciences. Course of lectures] : in 2 parts. Moscow : Nauchnyi ekspert, 2011. Part 1 (in Russ.).
12. Kara-Murza S. G. *Krizisnoe obshchestvovedenie. Kurs lektsii* [Crisis social sciences. Course of lectures] : in 2 parts. Moscow : Nauchn. ekspert, 2012. Part 2 (in Russ.).
13. Sharkov F. I. *Kommunikologiya: entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik* [Communicology: encyclopaedic dictionary-reference book]. Moscow : Dashkov i ko, 2009 (in Russ.).
14. Sutherland J. V., Kenuell D. *Strategicheskii menedzhment. Klyuchevye ponyatiya* [Key concepts in strategic management]. Dnepropetrovsk : Balans Biznes Buks, 2005 (in Russ.).
15. Galdyshev A. G., Gorodyanenko V. G., Grigoriev V. I. et al. (compl.) *Teoriya upravleniya: sotsial'no-tekhnologicheskii podkhod. Entsiklopedicheskii slovar'* [Theory of management: social-technological approach. Encyclopaedic dictionary]. 3rd ed. Moscow : Munitsipal'ny mir, 2004 (in Russ.).
16. Abalkin L. I. (ed.) *Ekonomicheskaya entsiklopediya* [Economic encyclopaedia]. Moscow : Econ. Moskva, 1999 (in Russ.).
17. Sindika [Syndinika]. *Wikipedia. The free encyclopaedia*. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B8%D0%B-D%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B0> (date of access: 31.10.2017) (in Russ.).
18. Maksimov D. A., Spiridonov Y. D. Sindinika as science about the global risks. *Transportnoye delo Rossii* [Transport business of Russia]. 2013. No. 5. P. 30–33 (in Russ.).
19. Bechmann G. *The social integration of science. Institutional and epistemological aspects of the transformation of knowledge in modern society*. Berlin : Sigma, 2009. Russ. ed.: Bechmann G. Sovremennoe obshchestvo: obshchestvo riska, informatsionnoe obshchestvo, obshchestvo znaniy. Moscow : Logos, 2010.
20. Mirskaya E. Z. [Ethos of science: ideal regulations and everyday realia]. In: *Etos nauki* [The Ethos of Science]. Moscow, 2008. P. 122–143 (in Russ.).
21. Veselovsky S. [The Mortal Threat]. In: *The world in the 100 years : a collect. art in angl. and russ.* Moscow, 2016. P. 242–248 (in Russ.).
22. Terenya G. V. *Vvedenie v analitiku* [Introduction to analytics]. Minsk : Bonem, 2015 (in Russ.).
23. Epstein M. *Znak probela. O budushchem gumanitarnykh nauk* [Space character: on the future of humanities]. Moscow : Nov. literaturnoe obozrenie, 2004 (in Russ.).
24. Grinin L. E. [The Russian revolution and catches of modernization]. *Polis*. 2017. No. 3. P. 138–155 (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.10>.
25. Shimov V. N. [The university in the modern society: main problems and branches of development in the globalistic society]. *Vesnik Yanka Sypala state univ. Grodno. Series 5. Econ. Soc. Biol.* 2010. No. 1 (97). P. 10–15 (in Russ.).
26. Poshelyuzhny S. V. [Institutional trap of the defence-industrial sector]. *Russ. J. Entrepreneurship*. 2017. Vol. 18, No. 10. P. 1557–1566 (in Russ.).
27. Nechorosheva L. N. (ed.) *Teoriya i praktika ekonomiki i upravleniya innovatsiyami* [The theory and practice of the innovative economics and management: the teaching aid]. Minsk : Belarus. State Agrarian Technical. Univ., 2013 (in Russ.).
28. Weisinger H., Pawliw-Fry J. P. *Performing under pressure. The science of doing your best when it matters most*. New Yurk : Crown Publ. Group, 2015. Rus. ed: Weisinger H., Pawliw-Fry J. P. Pod davleniem. Kak dobivat'sya rezul'tatov v usloviyakh zhestkikh dedlainov i neopredelennosti. Moscow : Mann, Ivanov i Ferber, 2017.

29. Jakunin V. I., Bagdasaryan V. E., Sulakshin S. S. *Novye tekhnologii bor'by s rossiiskoi gosudarstvennost'yu* [The new technologies of struggle with the Russian stateness] : monography. Moscow : Nauchnyi ekspert, 2009 (in Russ.).
30. Jatcenko N. E. *Tolkovyj slovar' obshchestvovedcheskikh terminov* [The explanatory dictionary of social sciences terms]. Saint Petersburg : Lan', 1999 (in Russ.).
31. Smagulova R. I. *Upravlenie riskami* [The risk-management: the teaching aid]. Pavlodar : PMU, 2006 (in Russ.).
32. Kas'yanov A. A. *Slovar'-spravochnik rukovoditelya: osnovnye upravlencheskie ponyatiya v gosudarstvennoi, sotsial'no-ekonomicheskoi i politicheskoi zhizni* [The dictionary-reference book of the manager: the basic management concepts in the state, social-economic and political life]. Rostov-on-Don : Rostizdat, 2007 (in Russ.).
33. Ismailov A. A. [Sociology of risk: making decisions in the conditions of risk]. *MGIMO Rev. Int. Relations*. 2010. No. 4. P. 277–285 (in Russ.).
34. Krasikov S. A. Issledovanie riskov v zapadnoi sotsiologii [Studying of risks in the Western sociology]. *Soc. Stud.* 2008. No. 9. P. 12–19 (in Russ.).
35. Idrisova A. A. [Social-economic conceptualization of notion «risk»]. *Vestn. Kazan. tekhnol. univ. Ser. Sotsiologiya* [Bull. Kazan' Technol. Univ. Ser. Sociol.]. 2013. P. 324–326 (in Russ.).
36. Ilkevich S. V., Shlapak V. S. The Interdisciplinary approach to crisis management: recent trends in international studies. *Servis Plus*. 2014. No. 1. P. 51–65 (in Russ.).
37. Nestik T. A. Global risks as a psychological phenomenon. *Path Ways Peace Security*. 2016. No. 1 (50). P. 24–38 (in Russ.).
38. Mel'nikov S. L. [Peculiarities of the risk's perception in the social psychology]. *Aktul'nye problemy okhrany zdorov'ya cheloveka v ekologicheskii neblagopoluchnykh usloviyakh* [Actual problems of human health guarding in the ecologically unfortunate conditions] : collect. mater of X Int. sci.-pract. conf. (Bryansk, 12–14 Oct., 2016). Bryansk, 2016. P. 235–240 (in Russ.).
39. Ryagin J. I. *Riskologiya* [Riskology] : in 2 parts. Moscow ; Ekaterinburg : Yurait : Publ. house Ural. univ., 2017. Part.1 (in Russ.).
40. Fedotova V. G. [«Good society», «good science», «good man»]. *Vestnik Ros. gumanit. nauchnogo fonda*. 2001. [Bull. Rus. Found. Hum.]. No. 3. P. 75–87 (in Russ.).
41. Ivanov V. N., Gladyshev A. G., Patrushev V. I. [Introduction]. In: *Teoriya upravleniya: sotsial'no-tekhnologicheskii podkhod. Entsiklopedicheskii slovar'* [Theory of management: social-technological approach. Encyclopaedic dictionary]. 3rd ed. Moscow, 2004. P. 7–14 (in Russ.).
42. Polozhichina M. A. [Review on the book: Sulakshin S. S. *Teoriya i fenomenologiya uspekhov slozhnoi sotsial'noi sistemy*. Moscow : Nauchnyi ekspert, 2013]. *Sotsial'nye i gumanit. nauki. Otechestvennaya i zarub. lit.* [Soc. Sci. Humanit. Series 2. Econ.]. 2014. No. 2. P. 183–188 (in Russ.).
43. Fursov A. I. [«Normal science» versus analytics. Peculiarities of condition of the modern knowledge about the world]. *Svob. mysl'* [Free Thought]. 2013. No. 2. P. 8–24 (in Russ.).
44. Kachanov J. L. *Epistemologiya sotsial'noi nauki* [Epistemology of the Social Science]. Saint Petersburg : Aleteia, 2007 (in Russ.).
45. Myagkov S. M. Issues of a society's attitude towards risk. *Issues Risk Anal.* 2004. Vol. 1. No. 2. P. 179–188 (in Russ.).
46. Karaseva E. I. [Interdisciplinary research in economic risks theory]. *Aktual. probl. ekonomiki i upravleniya* [Actual problems econ. management]. 2016. No. 1. P. 11–16 (in Russ.).
47. Ryazanov V. T. [(Non) Real capitalism. Political economy of crisis and its consequences for the world economy and Russia]. *Partnersh. Civiliz.* 2016. No. 1–2. P. 110–182 (in Russ.).
48. Cleary S., Malleret T. *Global risk: business success in turbulent times*. Basingstoke : Palgrave macmillan, 2007. Russ. ed.: Cleary S., Malleret T. *Global'nye riski. Delovoi uspekh v nespokoinye vremena*. Moscow : Vopr. ekonomiki, 2011.

Статья поступила в редакцию 10.05.2018.
Received by editorial board 10.05.2018.